

Шкаф, полный сокровищ

В мастерской художника Геннадия Калиновского на стене висел плакат:

«Дорога Книги Комод Кресла»

Моя Дорога в творчестве извилистая, Книг создано много, и есть в моей мастерской Шкаф, дорогой, многоуважаемый, наполненный эскизами, макетами, зарисовками, обрывками бумажек, на них торопливым почерком записаны разные идеи. И там есть полка, на которой лежат мои неизданные иллюстрации.

В общей сложности я проиллюстрировал около пятидесяти книг. Одна треть из них не увидела свет. Но иногда само плавание так захватывает художника-морехода, что порт назначения, издание книги, становится не главным.

Однажды в издательстве «Книга» решили издать сборник всех поэм Пушкина, где каждую поэму должен был иллюстрировать какой-нибудь знаменитый художник.

Пригласили звезд книжной иллюстрации: Юлия Перевезенцева, Сергея Бархина, Андрея Костина, Игоря Макаревича, Николая Попова, Юрия Ващенко с трубкой и других. В общем, интересное намечалось предприятие.

Нас привезли в Прибалтику, в дом творчества художников «Дзинтари». И вызвали на помощь из Эстонии выдающегося пушкиниста Юрия Лотмана. Решили устроить выездную творческую лабораторию, где Юрий Михайлович рассказывал бы нам о смыслах поэзии Пушкина.

Известный структуралист, профессор Тартуского университета, Лотман слыл формалистом, его не очень признавали в Москве, всегда критиковали. Поэтому у нас получился даже своеобразный полудиссидентский кружок. Мы собирались в парке под соснами и слушали этого роскошного старика с большими седыми усами, одновременно похожего на композитора Грига и математика Эйнштейна.

Что интересно, я еще студентом медицинского института ходил слушать Лотмана, в Пушкинском музее проходили Випперовские чтения. Был такой искусствовед Виппер. Лотман читал доклад о культуре XIX века. Зал был полон, люди стояли в проходах.

А тут он рассказывал нам, каждому в отдельности, о пушкинской поре, о том, какие тогда носили шляпы, как завязывали галстуки, о кодексе дуэли, о быте и о духе того времени, когда Пушкин жил и творил.

Мне была поручена самая веселая и абсурдная поэма Пушкина «Домик в Коломне». Поэма небольшая, но зато с перевертышем: герой переодевается в женское платье, в кухарку. Бархину досталась поэма «Бахчисарайский фонтан», Перевезенцеву — «Медный всадник», Костину — «Граф Нулин».

Мы собирались, показывали эскизы, все это обсуждали. Тогда я со всеми подружился, хотя они были уже большими художниками, а я только начинающий. Но они меня посчитали за своего, не важничали, хотя могли бы.

Сергей Бархин тогда уже был знаменитым театральным художником. Потомственный архитектор — у Сергея и папа был архитектором, и дедушка, — Бархин превратил театр в живопись. Занавес, костюмы, декорации — все у него на сцене поражало твое воображение. В спектакле «Соловей» в ТЮЗе у него пели настоящие птицы в клетках,

в «Ромео и Джульетте» он выстроил такую Верону, что по ней можно было туристов водить.

Его потом пригласили работать главным художником Большого театра.

Он так и книгу строил: суперобложка — занавес, титул — авансцена, и начинался спектакль. Одна из моих любимых книг Бархина — «Платеро и я» испанского поэта Хименеса. Она рассказывает о дружбе ослика и человека. До этого Сергею Бархину ослов рисовать не приходилось, и он начал искать подходящего. В библиотеке его дедушки хранилось старинное издание Апулея «Золотой осел», но Платеро там не было. Вдруг пришла телеграмма с Кавказа: «Есть осел, то что надо, приезжай». Он кинулся в Сухум.

— Но у нас с ним не возникло контакта, и я даже ни разу на него не сел, — рассказывал потом Бархин.

Тогда он сам придумал своего ослика. Тот оказался не мохнатым и мягким на вид, точно весь из ваты, как писал Хименес, а с гладкой шкурой, и в нем было что-то от собаки таксы.

А его удивительная книжка поэта Превера «Как нарисовать птицу»! В ней цвет не тот, что за окном, а на пределе цветовых созвучий, тропический, сияние коралловых рифов. В ней стихотворная строка изобразительно вписана в иллюстрацию, а букве Сергей ухитряется придать такую же образность, как и любой детали в картине.

Вот ему и поручили иллюстрировать поэму Пушкина из жизни Востока, наполненную цветами и птицами, коврами, роскошными женщинами, любовью и персами в халатах. Только он мог изобразить прекрасный Бахчисарай!

А Юлий Перевезенцев любил тогда рисовать на клочках бумаги. Его маленький блокнот с карандашными эскизами к «Медному всаднику» превратился в серию уникальных гравюр. Они были выполнены в технике «сухая игла» — это когда гравёр процарапывает изображение прямо на металле, а потом краска втирается в канавки, и на печатном станке изготавливаются оттиски. Дальше их переплели с текстом поэмы и превратили в книгу тиражом в 35 экземпляров.

По прихоти издателя доски были уничтожены, чтобы Перевезенцев не смог сделать дополнительный тираж. А то Гойя с Рембрандтом не распилили свои офортные доски, и теперь у каждого второго есть настоящий офорт Гойи или Рембрандта.

Так у Юлика получилась очень редкая книга, вряд ли кто ее видел. Юлий и сам по себе редкий художник, любитель прогулок в Коломенском (несколько раз встречал его там, возле вековых дубов и сарматской каменной бабы, на тропинках среди цветущих монастырских яблонь), знаток японской поэзии и каллиграфии, обладатель золотой медали Лейпцигской выставки за иллюстрации к «Белым ночам» Достоевского. Их тоже можно увидеть только в музее.

Такова судьба иллюстраций, созданных настоящими художниками, — сразу в музей, минуя книжные магазины. Слишком странны, изящны и эфемерны они, фантазии Юлия Перевезенцева, как его рисунки, на которых он возводит башни из тонких линий, они тут же разлетаются от невидимого ветра, а он все строит и строит их на белом пространстве листа. Как будто нет другой работы у художника, кроме как возводить из соломы легкий дом на холме розы ветров.

А вот Андрей Костин мог вообще не показывать свои наброски к «Графу Нулину». До того он прославился своими иллюстрациями к роману Пушкина «Евгений Онегин». У него были огромные запасы подготовительных материалов: герои Пушкина подробно нарисованы, вокруг мебель, скульптурные бюсты, ампирные вазы именно того времени, все исторически точно, по его иллюстрациям можно изучать быт пушкинской поры.

— Есть еще ослы, — шутил он над самим собой, — которые рисуют пятьдесят две иллюстрации к роману в стихах, а не ставят где попало поэтические заставки — политипажи, как принято теперь сопровождать поэзию!

Шутки шутками, прошло много лет, а никто лучше Костина не рисовал иллюстраций к «Евгению Онегину», «Детству» Льва Толстого,

«Тарасу Бульбе» Гоголя и маленькой пронзительной повести детского писателя Константина Сергиенко «До свидания, овраг».

Летом 1999 года по Волге отправился в плавание корабль, на котором собрались художники, поэты, музыканты. Прямо на борту корабля проходили выставки, поэты читали стихи, играл ансамбль «4'33» Алексея Айги, на верхней палубе — танцы. Все было наполнено радостным шумом, криками речных чаек...

Этот рейс стал последним для Андрея Костина. Там, на корабле, у него остановилось сердце.

Плывет корабль, на котором мы — художники — совершаем свое путешествие по жизни. Но меряют эти мореплаватели расстояние не милями морскими, а нарисованными книгами.

Вышла книга — хорошо. Не вышла — тоже ничего.

Поэмы Пушкина, которые мы тогда рисовали, — так и не увидели свет.

Не были опубликованы мои многодельные иллюстрации к «Сказкам братьев Grimm», картонки с иллюстрациями к афоризмам Станислава Ежи Леца, написанные масляной краской; лапидарные, черно-белые рисунки к пьесе Александра Введенского «Елка у Ивановых»; иллюстрации к сказкам детского писателя Сергея Седова вообще погрызли собаки. Но от этого они не стали хуже. А только лучше. Скажем так: они приобрели отпечаток настоящей жизни.

Издательство, которое мне заказало эту работу, исчезло, а другие пока были не готовы воспринять необычную гротесковую манеру моего рисования. Кто-то вообще считал, что книжная иллюстрация — никакое не искусство. Я сделал рисунки к повести «Промах гражданина Лошакова» Юрия Коваля по его просьбе в журнал «Пионер», а когда попросил вернуть, все очень удивились и отдали мне их — обрезанные, наклеенные конторским клеем на листы макета.

Но время возвращает истинный блеск запыленным сокровищам, взгляд человека меняется, он начинает прочитывать те неуловимые приметы искусства, которые казались тогда странными, непонятными, «некрасивыми».

Главное у нас, художников, — не потерять оригиналы! Сохранить, пронести из шкафа в шкаф, через бури, пожары, войну, переезды (что там еще бывает у людей?) свои художественные сокровища.

Не все мне удалось сохранить в своем шкафу. Но не будем об этом горевать.

Если выложить в ряд мои картинки, получится несколько километров иллюстрирования. Был ли смысл в такой большой работе? Изданной, неизданной, потерянной, отмеченной высокими наградами, погрызенной собаками... Зачем все это? Чтобы заработать деньги или выставить в музее? Главное — проникнуть в глубину жизни, в самую суть вещей, как говорил Уильям Блейк, поэт и художник, «растопив видимые поверхности и проявив скрытую донныне бесконечность в себе самом...»

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕКА

Леонид Тимиков

ДАБЛУС

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

издательство

МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

Максимально полезные книги